

THE POST-SOCIALIST AGRARIAN QUESTION. PROPERTY RELATIONS AND THE RURAL CONDITION // HALLE STUDIES IN THE ANTHROPOLOGY OF EURASIA: VOL. 1 / ED. BY C. HANN, R. ROTTENBURG, B. SCHNEPEL, S. SHIMADA. MÜNSTER: LIT VERLAG, 2003.

Рецензируемый сборник статей охватывает первый цикл проектов, выполненных на базе Института социальной антропологии им. Макса Планка. Социально-антропологический, даже этнографический, подход к изучению трансформаций, произошедших в аграрной сфере постсоциалистических стран, здесь выражен, в первую очередь, в том, что авторы отказываются от громких социально-экономических и политико-идеологических обобщений относительно даже отдельно взятых стран, не говоря уже об общих тенденциях постсоциалистического аграрного развития. Книга представляет собой коллекцию кейс-стади, выполненных по всем правилам данной тактики качественного исследования: читателю предлагаются детализированные описания конкретных «кейсов» (деревни в Южной Словакии, горного региона в Болгарии, двух областей в Восточной Германии и т. д.), сопровождаемые авторскими комментариями и выводами о возможных типологических синдромах для рассматриваемой страны или постсоциалистических реалий в целом.

Работа по проекту «Постсоциалистический аграрный вопрос» проводилась с конца 1999 по 2003 гг. Заметим, что не все исследования связаны исключительно с сельским хозяйством: например, в Хорватии не было проведено полноценной коллективизации, поэтому посвященная данной стране статья затрагивает по большей части вопросы управления домохозяйствами; многих авторов интересовал феномен «культурной собственности» (наследия). Не все проекты уложились в границы Евразии: в одной из глав анализируются изменения отношений собственности в южной Эфиопии. По мнению составителей, это формирует интересный сравнительный контекст для рассматриваемой проблематики: во-первых, социалистическое сельское хозяйство Эфиопии было организовано по восточно-европейской модели; во-вторых, рекомендации международных организаций, в частности Мирбанка, для этой страны практически не отличались от предлагаемых постсоциалистическим странам Евразии. Участникам проекта предоставлялась полная свобода в организации исследовательского процесса и отражении полученных результатов, однако ответственность не всегда имела индивидуальный характер — пять статей из представленных в сборнике пятнадцати написаны в соавторстве, а участники российского северного «кластера» проводили групповые беседы и в итоговых публикациях отразили сравнительный контекст постсоциалистических трансформаций в сельском хозяйстве России.

Авторы рассматривают свой труд как своеобразное продолжение двух публикаций вековой давности — вышедшей в 1899 г. работы К. Каутского «Аграрный вопрос», посвященной «социалистическому» анализу социальных отношений в аграрном секторе Германии, и опубликованной практически

одновременно с ней книги В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», в которой утверждается, что сельское хозяйство подчиняется тем же законам капиталистического развития, что и промышленность (распространение наемного труда, поляризация социальной структуры и т. д.). Участники проекта ставят перед собой следующую задачу: проанализировать тот удивительный симбиоз стабильности и изменчивости, который характеризует состояние сельского хозяйства после падения социалистических режимов, отказавшись от политической полемики ради адекватного описания многоликой реальности современного постсоциалистического села в евразийском пространстве.

Очевидно, что описание многообразия — слишком размытая задача для научного анализа, поэтому авторы решили сфокусировать внимание на отношениях собственности, изменения которых в постсоциалистических обществах имели одинаковые черты (восстановление частной собственности на землю, развитие фермерских хозяйств и т. д.). Само по себе обращение к подобной проблематике автоматически включает в сферу исследования политико-правовой контекст экономических преобразований на селе. Правительства постсоциалистических стран провозглашали принцип частной собственности как приоритетный. Однако обладание таковой в аграрном секторе, хотя и давало многим людям моральное удовлетворение, не помогало справляться с вновь возникающими проблемами, особенно в публичной сфере: применяемые в своей «стандартной», а не адаптированной к особенностям каждой отдельной страны форме либеральные модели частной собственности совершенно игнорировали вопросы социальной идентичности и сложившиеся нормы и ценности «общинного» образа жизни на селе. Поэтому в центре внимания исследователей оказались не права, а отношения собственности.

Понятие «отношения собственности» трактуется в книге весьма широко: помимо правового, экономического и территориального измерений, оно включает жизненные стандарты, паттерны трудового поведения и социальной идентификации с местным сообществом, групповые взаимоотношения, то есть всё то, что составляет суть моральной экономики (с. 25). В качестве примера приводится гражданский кодекс, принятый большевиками в России сразу после революции: формально он имел немалое сходство с гражданским кодексом Германии, однако это ничего не говорит о реальных отношениях собственности — необходимо учитывать влияние социалистической идеологии и культурных факторов на реализацию правовых положений.

Крис Ханн справедливо отмечает, что изучение политико-экономических изменений не может считаться законченным без его обязательного дополнения антропологическим анализом так называемой моральной экономики. Это понятие используется в сборнике в нескольких контекстах: во-первых, речь идет об его адаптации Дж. Скоттом¹ для объяснения

¹ Понятие «моральная экономика» (иногда переводится как «моральная экономия») было введено Э.П. Томпсоном для анализа нестабильных городских рынков на заре индустриализации. Томпсон, в отличие от историков, не усматривал в продовольственных волнениях в Англии XVIII в. лишь реакцию на повышение цен, безработицу, голод. Он соглашался, что восстания вспыхивали спонтанно,

«самосохранительных» стратегий крестьянского поведения в Юго-Восточной Азии, где коллективное благополучие считается приоритетным (аналогичных стратегий придерживались многие хозяйства в ходе постсоциалистической деколлективизации). Второй контекст представлен в четырнадцатой главе, в которой описывается типичная деревня одного из богатейших регионов Китая, где сельское хозяйство перестало быть основой местной экономики: «дивиденды» от массовых радикальных изменений в сельскохозяйственном жизненном цикле были получены благодаря развитым сетям родственной поддержки. Иными словами, «невзирая на то, процветает местное сообщество или находится на грани исчезновения, анализ происходящих изменений в отношении собственности не может игнорировать нормы и ценности, которые лежат в основе личностной и социальной идентичности его членов» (с. 9).

Сборник состоит из пятнадцати глав: первая представляет собой введение в проблематику реализованного исследовательского проекта, написанное Крисом Ханном; по одной главе сборника посвящено Восточной Германии, Китаю, Эфиопии и СНГ (на примере Украины и Азербайджана), по пять глав отведено России и Восточной Европе (Словакии, Венгрии, Румынии, Хорватии и Болгарии). Выбор регионов, выступивших в качестве анализируемых «кейсов», был детерминирован общностью их исторического пути, а именно — социалистическим прошлым, которое стало своеобразным эталоном для оценки людьми происходящих в их обществах трансформаций. В этом смысле избранный авторами антропологический подход позволяет понять, как консолидационные механизмы социализма в прошлом и их дезинтеграция в настоящем воздействуют на повседневную жизнь людей, их самосознание и социальные отношения. Причем авторы акцентируют внимание не столько на поведенческих паттернах, которые подверглись совершенно очевидным изменениям, сколько на оставшихся неизменными социальных ценностях и контекстах, которые часто выпадают из поля зрения статистического, экономического и любого иного макроанализа.

В качестве основных тематических линий анализа представленных в сборнике «кейсов» выступили следующие аспекты постсоциалистической аграрной реальности: кооперативное предпринимательство, коллективизация и приватизация в Восточной Германии; отношения собственности и кооперация в Южной Словакии; отношения собственности и жизненные стратегии населения Венгрии; преодоление экономического кризиса в послевоенной Хорватии; развитие фермерского хозяйства в Румынии; реституция прав собственности в Болгарии; выбор стратегии сельскохозяйственной приватизации (коллективные или частные хозяйства) на Украине и Азербайджане; экономика и идеология повседневных постсоциалистических реалий сельской России; родственные связи и отношения собственности в Южном

в результате резкого повышения цен, из-за подозрительных действий торговцев или просто нехватки продовольствия, но считал, что они протекали в рамках народных представлений о том, что законно и что незаконно, каковы хозяйственные функции, долг и обязанности некоторых членов общества, в совокупности своей составлявших «моральную экономику бедноты». Грубые нарушения основных моральных понятий вызывали волнения столь же часто, сколь и действительная нужда. (Приводится по: [1].)

Китае; ситуация в аграрном секторе Южной Эфиопии. Первоначально исследователи планировали сконцентрировать внимание на социальной дифференциации (внутри села, между городом и селом), а также на судьбе прежних властных структур в новых постсоциалистических реалиях (с. 6). Однако после завершения полевого этапа, на стадии анализа полученных данных, в качестве дополнительного и приоритетного тематического направления было введено понятие моральной экономики, обозначающее, в первую очередь, субъективный опыт, нормативно-ценностное измерение происходящих в постсоциалистических обществах трансформаций. В частности, третья глава сборника, рассматривающая концепт «доверие» в социалистических колхозах и нынешних межличностных отношениях внутри местных сообществ, показывает, как возможно взаимодействие политической и моральной экономик. В общем заявленная авторами цель реализованного исследовательского проекта такова — оценить, позволяют ли социально-антропологические методы лучше понять постсоциалистический транзит. После коллапса социалистических режимов в странах бывшего советского блока началась замена социалистических институтов западными (рыночная экономика, частная собственность, гражданское общество), что, однако, не привело к тем быстрым и успешным изменениям, на которые реально рассчитывали многие эксперты и надеялись граждане этих стран. Соответственно, именно антропологический подход помогает понять «как случайные успехи и объективные неудачи реформ, так и сопутствующие им глубокие чувства разочарования и тревоги» (с. 6).

Поскольку жанр рецензии устанавливает определенные ограничения на ее объем, разумно отказаться от детального анализа каждого из представленных в сборнике «кейсов» в пользу рассмотрения исследовательского проекта в целом. Выводы его авторов можно условно разделить на три группы — «методологические», «фактологические» (обобщения полученных эмпирических данных) и «прикладные». В первом случае речь идет о том, что политико-экономический детерминизм со ссылками на географию принципиально недостаточен для анализа аграрного развития постсоциалистических стран. Безусловно, изучение объективных характеристик процессов социалистической коллективизации и постсоциалистической деколлективизации — обязательное условие изучения хода и последствий соответствующих экономических преобразований. Так, трансформация отношений собственности привела к тому, что сохранившиеся крупные хозяйства сегодня вынуждены заключать договоры аренды с множеством частных собственников земли, причем в ряде стран деколлективизация была проведена за счет реституции прав прежних землевладельцев. Однако, как показывают результаты исследований, «юридические прелести» деколлективизации мало волнуют сельских жителей Украины и России, где большая часть земель обрабатывается не фермерскими, а крупными хозяйствами, возникшими на базе прежних колхозов и совхозов. Конечно, нельзя отрицать и рост частной инициативы — возникают аналоги западных семейных ферм и «партнерские» хозяйства, также основанные на родственных связях. Однако наиболее успешными предпринимателями являются бывшие колхозные руководители, обладающие «социальным капиталом» и сетевой поддержкой, столь необходимыми в нестабильных условиях складывающейся рыночной экономики, то

есть с точки зрения социальной дифференциации деколлективизация создала барьеры и ограничения, которые была призвана устранить. Таким образом, «аграрный вопрос» включает «с одной стороны, производство сельскохозяйственных товаров и его технологическую эффективность, права собственности и рыночные отношения, с другой стороны — социальные и нормативные последствия институциональных форм организации сельских сообществ в широком контексте временных и пространственных трансформаций» (с. 3).

Представленный в сборнике экономико-антропологический подход отказывается от использования теорий, «претендующих на всеохватывающую валидность», и учитывает «специфические условия сельскохозяйственного производства и конкретного жизненного уклада» различных регионов в каждой отдельно взятой стране. Соответственно, помимо различия в аграрном развитии России, Китая, Германии, Польши, Венгрии и Болгарии трех исторических периодов — до, во время и после социализма, исследователи разграничивают объективные изменения политико-экономической ситуации и их субъективное измерение в контексте традиционной моральной экономики. Для изучения последней наиболее адекватен именно антропологический подход с его «принципиальным исследовательским инструментарием — полевой работой как симбиозом относительно формализованных методик (интервью с официальными лицами, опрос местного населения и т. д.) и “включенного наблюдения”» (с. 5).

В качестве «универсалистских» теорий в сборнике выступают марксизм и либерализм, «ортодоксальные представители которых не считали необходимым адаптировать общие постулаты своих теорий к специфическим особенностям сельскохозяйственного производства» (с. 8). Предлагаемый авторами сборника подход основан на критическом восприятии данных теорий с точки зрения, во-первых, реализуемости на практике зафиксированных законодательно прав частной собственности/принципов коммунистической идеологии; во-вторых, соотношения основных принципов марксистской и либеральной моделей с максимизацией экономической эффективности сельскохозяйственного производства; в-третьих, отражения в этих принципах преследуемых людьми целей. Понятийное поле данного подхода составляют: идеи А.В. Чаянова об отличии села от города как центра индустриализации и понятие «самоэксплуатация домохозяйства»; введенное Дж. Фостером понятие «ограниченное благополучие», объясняющее нежелание людей, особенно в России, вести предпринимательскую деятельность, то есть изымать собственную землю из коллективного производства — «местные жители пытаются совместить экономическую выгоду с выполнением принятых в сообществе моральных обязательств и норм социального взаимодействия» (с. 289); понятие «моральная экономика». Хотя, по мнению авторов, их подход «не отличается объяснительной элегантностью марксистской и неолиберальной парадигм, он предлагает более реалистичный взгляд на динамику социальных изменений в постсоциалистических обществах» (с. 8). По сути, речь идет об «экономической антропологии, которая возникла в последней четверти двадцатого века как постмодернистская критика капиталистической цивилизации... и сегодня представляет собой полевой этнографический подход, фокусирующийся на институциональных условиях экономического развития с привлечением исторических, социологических и политико-экономических данных» [2].

Экономическая антропология рассматривает вопросы аграрного развития, прежде всего, не с экономической точки зрения, а в «другом измерении»: например, ход коллективизации анализируется не в плане эффективности государственных инвестиций в сельское хозяйство и функционирования предприятий, а исходя из того, «как формальные структуры и диктуемые совхозам и колхозам извне плановые показатели модифицировались посредством неформальных отношений, манипуляций и переговоров... как, несмотря на механизацию и иные элементы “модернизации”, сельская жизнь сохранила фундаментальные элементы моральной экономики досоциалистической общины» (с. 27). В России в 1990-е годы многие колхозы и совхозы сохранились де-факто, сменив только название и продолжая оказывать «неформальную» поддержку своим работникам (с. 359). Нынешняя популярность бывших колхозных руководителей также объясняется помощью, оказываемой ими местному сообществу в рамках традиционной моральной экономики (с. 269). В целом полученные данные позволяют авторам утверждать, что отдельные коллективные институты и ценности коллективистской моральной экономики еще долго будут играть значимую роль в жизни сельской России. Исследователи убедительно показывают, что в сельском хозяйстве не работают упрощенные (как индивидуалистические, так и коллективистские) модели землевладения: «евразийская система сельского хозяйства всегда базировалась на сочетании коллективных и частных прав собственности даже после упрочения последних в результате деколлективизации» (с. 23, 386).

Экономико-антропологический подход оказывается эффективным для оценки хода и результатов постсоциалистических трансформаций в аграрном секторе, потому что включает анализ тесно взаимосвязанных «производственных, транзакционных и социальных издержек» (с. 26), отрицая прерогативу экономистов на полноту понимания даже первых. Например, невозможно объяснить современную ситуацию в Венгрии исключительно созданием эффективно функционирующих земельных рынков и реальной конкуренцией частного сектора и крупных хозяйств, потому что неправомерно считать новые паттерны поведения результатом политико-экономических воздействий, согласующихся с ценностями местных сообществ (с. 31). Кейс-стади одной венгерской деревни показало, что в начале деколлективизации группа здешних активистов Партии независимых землевладельцев способствовала полному развалу колхоза и передаче земли в частную собственность, однако через несколько лет те же активисты оплакивали отсутствие экономической координации между фермерами и общих местных собраний, где они могли бы отстаивать свои интересы. Сомнительно, что за это время коллективистские ценности вытеснили индивидуалистические — скорее речь идет о том, что «люди пытаются выжить в нестабильные времена, полагаясь на пространственно и социально надежные институты с гарантированными сетями поддержки и доверия» (с. 111), и это закономерно — «составляющие суть моральной экономики транзакционные и социальные издержки постоянно переоцениваются» (с. 32).

Несомненным достоинством рецензируемого сборника является идеологическая нейтральность: по мнению авторов, капиталистическое развитие было «не менее неровным», чем социалистическое или постсоциалистическое, с точки зрения процесса и достигнутых результатов. А, например, «восточно-

германский эксперимент быстрой адаптации к правовым и экономическим особенностям развитого капитализма показывает, что «индустриальная» модель социалистического сельского хозяйства далеко не настолько неэффективна, как считалось прежде, по крайней мере, в тех отраслях, что требуют макроэкономического управления» (с. 17, 84–85). В ходе деколлективизации сельские жители очень много потеряли, но уже не из-за принудительного отчуждения их «вещей» (как во время коллективизации), а из-за лишения права на социальную поддержку. Сам процесс деколлективизации исследователи не рассматривают как исключительно внешнее навязывание неолиберальной модели в ситуации политического коллапса — в ряде стран существовали внутренние силы, настаивающие на восстановлении прав частной собственности: «многие пожилые сельские жители Восточной Европы считали, что имеют моральное право требовать восстановления утраченных в 1940-е годы прав собственности, и испытывали глубокое разочарование, если не могли вернуть прежние земельные владения своей семьи» (с. 11).

Сам факт создания или восстановления права частной собственности — не гарантия складывания эффективного сельскохозяйственного производства: в 1990-е годы перераспределение прав собственности подорвало достижения зрелого социализма и функционирование крупных сельхозпредприятий. Смутные перспективы сельского хозяйства в постсоциалистический период сделали наемный труд с гарантированной заработной платой более привлекательным для сельских жителей, чем ведение собственного фермерского хозяйства (с. 136). Аналогичных взвешенных оценок постсоциалистических преобразований придерживаются и многие российские исследователи: действительно, в сельском хозяйстве складываются новые формы хозяйствования и многоукладная экономика, расширяются социальные свободы и экономическая самостоятельность, формируется рынок земли и класс собственников, однако модель аграрных отношений насаждается сверху, игнорируются ценностные предпочтения сельского населения, не используется его социальный потенциал [3], реформирование ведется поспешно и непродуманно [4].

Конечно, различия между капитализмом и социализмом были и остаются весьма существенными, однако на уровне социальных практик между ними обнаруживается масса общих черт: хотя поведение людей мотивировано стремлением максимизировать свою выгоду, они прилагают массу усилий, чтобы окончательно не превратиться в Homo oeconomicus, поддерживая традиции кооперации и сети взаимной родственной и добрососедской поддержки, — примеры тому представлены во всех главах сборника. Как верно отмечает К. Ханн, «рыночные фундаменталисты ратуют за честность и прозрачность, однако сельскому населению постсоциалистических стран непонятно, почему оно должно отказаться от тех достижений социализма в сфере социальной поддержки, которые в несколько модифицированном виде сегодня используются на западе как нечто само собой разумеющееся» (с. 37).

Другим достоинством книги является представленный в ней опыт «саморефлексии» — большинство критических замечаний в адрес сборника его ответственный редактор К. Ханн предугадывает во введении: во-первых, абсолютная объективность научного познания, особенно в социальной сфере, недостижима, поэтому попытки западных ученых, изучающих «постсоциалистический мир», отделить гипотезы и методы исследовательской

работы от своих личных ценностей и политических симпатий редко бывают успешными. Скажем, надо учитывать то обстоятельство, что население постсоциалистических стран иначе воспринимает понятие гражданского общества и борьбу с коррупцией, не негативно, а ностальгически относится к своему социалистическому прошлому.

Во-вторых, хотя представленный в сборнике, по сути, междисциплинарный подход является достоинством любого научного исследования, возникает вопрос, насколько оправданно и допустимо объяснять различия постсоциалистического развития, прежде всего, в понятиях культурных факторов, отличающих население рассматриваемых стран. Тем не менее, изучение именно аграрных преобразований в постсоциалистических странах наиболее наглядно демонстрирует благотворность междисциплинарности: чтобы понять суть и итоги происходящего транзита, недостаточно лишь экономико-статистического и правового анализа — необходимо привлекать средства исторического, культурологического, антропологического и социологического подходов. Это позволит учесть «одновременность перемен в экономической, политической и социально-психологической сферах общества» [5, 6], в частности увидеть, как память местного сообщества апеллирует к имеющемуся опыту адаптации и коллективной солидарности для выстраивания «сетей поддержки» даже в условиях нарастания социальной дифференциации села [7].

В-третьих, понятие «постсоциалистический» кажется слишком широким для характеристики аграрного развития в столь различающихся «кейсах». Однако нельзя не согласиться с авторами, что «базовые институциональные формы советского типа внедрения городского индустриального разделения труда в аграрный сектор использовались практически во всех социалистических странах Евразии» (с. 9), хотя и имели весьма дифференцированный характер, отражая особенности конкретного общества и степень репрессивности проводимой в нем коллективизации. Кроме того, практически повсеместно социалистическая система имела дуалистический характер: помимо колхозов и совхозов в сельскохозяйственном производстве участвовали и частные собственники, помогающие продуктами и деньгами своим родственникам в недоурбанизированном индустриальном секторе, — это создавало прочные сети семейной поддержки вопреки политике первых лет строительства социализма.

В-четвертых, достаточно странно выглядят понятие «Евразия» как обозначение «единого образования в длительной исторической перспективе» и утверждение авторов сборника, что «можно лучше понять марксистско-ленинские социализмы, если рассматривать их в широком евразийском контексте изменяющихся моральных систем, политических и религиозных движений» (с. ix). Еще более странным кажется включение в евразийское постсоциалистическое пространство Китая и Эфиопии. Тем не менее, сам по себе евразийский подход хорош своей сопоставительной базой — многим работам недостает именно сравнительной оценки, скажем, положения России (на фоне соседних стран положение нашей страны выглядит далеко не самым «бедственным», см., например, [9]).

Чем книга может быть интересна российскому читателю? Безусловно, все ее достоинства — высокая информативность в «количественном» (статистические показатели) и «качественном» (этнографические описания) смысле,

междисциплинарный и сравнительный подход, большой региональный охват (евразийское пространство), акцент на изучении «результатов реформ в человеческом измерении с позиций интересов разных социальных групп» [3, с. 5] и т. д. — присущи и публикациям многих отечественных авторов по рассматриваемой проблематике. Но чтобы лучше понять происходящее в собственной стране, нужно увидеть ее «со стороны», глазами людей, которые не родились и не выросли здесь. Речь не идет о приоритетности западных объяснительных схем или же, наоборот, «патриотическом» призыве скептически относиться к тому, что постулируется западными исследователями относительно российской действительности: читая статьи, посвященные России, со многим соглашаешься, кое-что кажется странным, но в любом случае начинаешь задумываться о том, как воспринимаются само собой разумеющиеся вещи окружающей тебя действительности не включенными в нее людьми, пытаешься взглянуть на нее их глазами, «остраннить» привычное — а это прекрасный прием научного познания. Его отлично дополняет представленная в книге общая перспектива хода постсоциалистических трансформаций, которая снимает саму возможность говорить о некоей исключительности российского общественного развития в последние десятилетия — его определяют общие для всех постсоциалистических стран черты.

Важно отметить, что предпринятый авторами анализ аграрного развития целого ряда постсоциалистических стран в их «субъективном» измерении преследует конкретную практическую цель — показать, что социально-экономика-антропологические исследования могут помочь правительствам принимать более продуманные реформаторские решения. «Антропологи, знакомые со спецификой развития аграрных обществ до, во время и после коллективизации, могли бы предупредить правительства, что развал социалистических форм хозяйства на селе приведет к проблемам, попытки восстановить прежние формы собственности будут экономически неэффективны, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, уровень жизни в сельской местности резко снизится по сравнению с городами... а также представить данные о том, как местные жители оценивают происходящие изменения: в одних регионах они не были заинтересованы в развале колхозов и с опаской ожидали того, что придет им на смену; в других — общественное мнение выступало за немедленную реституцию прежних прав собственности, считая этот шаг моральным императивом...» (с. 34). Авторы сборника формулируют принцип, который должен лежать в основе любой реформаторской деятельности: сельское население нельзя лишать тех институтов, которые составляют ядро моральной экономики, то есть необходимо учитывать традиции и чаяния местных жителей, уважать их способности к самоорганизации, а не навязывать им сверху стандартные либеральные сценарии. Не зная социокультурных оснований повседневной жизни сельских обществ, реформаторы не смогут предсказать ход и результаты претворения в жизнь своих рациональных моделей экономических трансформаций. Иными словами, «антропологи выполняют важные познавательные и экспертные функции, необходимые для самопонимания трансформирующегося общества и для его управления» [9]. В целом жаль, что книга, по вполне понятным причинам, доступна в России лишь узкому кругу читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оболенская С.В.* Плебейская культура и моральная экономия // Альманах «Восток». 2004. № 12.
2. *Hann C., Hart K.* A short history of economic anthropology // Paper prepared for the Workshop. Halle, 21–24, 2006 [online]. Date of access: 25.05.2007. <<http://www.thememorybank.co.uk/papers/SHEA>>
3. *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.
4. *Буздалов И.Н.* Аграрные преобразования в России и других странах СНГ: стратегия и тактика // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
5. *Беляев Э.В.* Трансформация: у каждой страны уникальный путь // Социологические исследования. 2002. № 10.
6. *Кознова И.Е.* Аграрные преобразования в памяти российского крестьянства // Социологические исследования. 2004. № 12.
7. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: Дело, 2002.
8. *Hough J.F.* The logic of economic reform in Russia. Washington: Brookings Institution Press, 2001.
9. *Тишков В.А.* Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. 2000. № 1.

И.В. Троцук,
кандидат социологических наук